

Свидетельство. Брат М. А. П. (Эстония, 2018 год)

Май 18, 2018 Свидетельства

Свидетельство. Брат М. А. П. (Эстония, 2018 год)

...

Приветствую вас всех, братья и сестры любовью Иисуса Христа. Хочу вас поздравить с праздником, праздником Рождества! Ну и вот в один праздник у нас приветствие такое хорошее есть. Ну это приветствие, оно всегда вовремя. Я хотел вас поприветствовать и вашу Церковь. Здесь первый раз с этим приветствием: Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! Здорово! Здорово, что Он воскрес!

Представляете, хотя бы на одну минуту, что если б Он не воскрес в вашей жизни. Представляете, какая бы серая безнадега была, встал утром - всё мрачно, всё плохо - опять эти снега или дожди, а в Москве жизни радуешься: "Господи, как хорошо, дождик идёт уже двадцатый день! Слава Богу, радость такая, потому что Он воскрес в нашей жизни".

Я в вашей Церкви один раз был с молодёжью. Я даже и забыл, что был. Ну, а так как здесь первый раз (за кафедрой), хотел коротко рассказать о себе.

Вот седой я, с Новосибирска, звать меня Анатолий. Церковь наша на Прокатной (на улице Прокатной). Церковь немножко уникальная, уникальная тем, что занимается служением с зависимыми. Служитель Церкви К.К.К. может быть кто-то из Сибири и его знает? Значит так коротко, сейчас немножко сожму все это дело... Значит о Гадаринском читали в Библии? Гадаринские, бесноватые Гадаринские? Это страна Гадара, там был бесноватый, а чё он там делал? Жил на кладбище, конкретно, потому что с людьми он жить не мог. Кидался на камни, разбивал себя, ну людям жалко! Жалко его, поймают, свяжут его так вроде цепями окуют его, оденут, ну приличный вид создать, ну настолько там сила была эта бесовская, разрывал всё и опять кидался на людей. И так продолжалось длительное время. Вот этот Гадаринский бесноватый перед вами стоит. То есть мне есть за что славить Бога, благодарить Бога. То, что говорил, брат, про свидетеля, я живой свидетель. Где бы я не ездил: в зоны ли, тюрьмы ли, блатхаты ли это, или молодежь где-то на улице встречаю я всегда говорю: "Я вам рассказываю не сказки Венского леса, я вам не рассказываю какую-то красивую историю, я вам рассказываю реальную жизнь, какой я был и каким сделал меня Иисус Христос." Я был, как раз, этот Гадаринский. Люди пытались тоже упаковать как-то меня, упаковать, значит, в социальные такие упаковки, школу закончил, институт закончил чуть ли не с

красным дипломом. Потом зона, я бандитом был, пытались упаковать в зону, упакуют в зону, слушай посижу, посижу, думаю, больше не буду сидеть. Освобожусь - опять, опять то же самое, бандитский разбой, вот это всё.... И опять меня садили. То есть изменить меня никто не мог. Ни слезы матери, которая плакала, она в общем-то и умерла в 61 год, только по одной причине, что такой сын у неё негодяй. Негодяй!

И знаете, только встреча с Иисусом Христом она могла что-то изменить. Вот сегодня этот праздник, праздник Рождества. В сорок два года во мне родился вот этот маленький мальчик. Его Иисус Христос звать. Я берегу его. Я берегу, знаете, вот такая у меня, может быть, особенность в начале моей христианская жизни была . Как будто внутри какая-то чаша чего-то драгоценного, очень хрупкая. И я несу эту чашу, боюсь, чтоб она не разлилась. Боюсь, чтобы сатана не своровал этого. То есть это такая драгоценность и несу ее двадцать два года, эту чашу. Я радуюсь, что родился Иисус Христос.

Но может быть коротко свидетельство, может еще что-то добавлю, в процессе моих рассуждений. Текста нового основного искать я не буду. За основу своих рассуждений возьмут тот же самый текст: "Они победили его..." (Весь текст: Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. Откровение Иоанна 12:11 Библия: https://bible.by/syn/66/12/#11)

Слово - победители. Вот в Книги Откровения слышал там много раз и оно повторяется: "Победителей наследует Царство Небесное". Все, кто здесь собрался, все, наверное, думают и хотят Царство Небесное, так же, как и я. Хотите в Царство Небесное? Ну, кто по возрасту сразу губами шевелит, говорит - хочу. Хоть сегодня хочу, да? Мы спасенные, получили мы рождение свыше. Иисус родился, но неба, ещё что нужно сделать? Достигнуть неба нужно. То есть еще нужно быть победителями в нашей дальнейшей жизни.

И вот они победили его Словом свидетельства. Вот на этом хочу зафиксировать свои короткие рассуждения. Возьму библейские примеры. Ну самый первый пример связанный с Рождеством. Вот смотрите люди говорят: "Ну где этот Бог? Ну почему так вот?" И мне приходиться часто общаться с афганцами, с чеченцами? Они говорят: "Ну где твой Бог? Когда мои друзья по этому автомату, с кем им вместе ломали этот хлеб, они гибли. Где твой Бог был, когда кровь рекой лилась, понимаете? И вот это Бог, что самое интересное, две тысячи лет назад Он сошел, на эту землю маленьким ребенком, говорит: "Вот Я! Вот Я! Вот Я маленький, невинный, хороший ребенок, делайте со Мной что хотите, что хотите..." Кому Он причинил что-то вредное? Кому Он причинил боль? Маленький, невинный ребенок Иисус Христос. Бог сошел во плоти, это вообще чудо! Это чудо Божье, что сам Бог,..., уже привыкать начинаешь, затирается, потом опять думаешь: "Этот всемогущий Бог! И вот Он, как ребенок!" Ты можешь его потрогать. И ты можешь быть сегодня ты грешник здесь сидишь и ты тоже Богу угрожал, где тот Бог, да? Вот Он, маленький ребенок. Слово стало плотью, понимаете? Слово оно уже не теория, это практика. Ты можешь подойти к Иисусу, сегодня и Его потрогать. Для этого Он и

родился. Ну и вроде все должны обрадоваться, да? Ангел, что он сказал пастухам, кто помнит? (Обращение к брату Вани) Вот ты! Так вот на меня все смотришь, как тебя звать? Да, тебя, я тебя буду спрашивать, ничего? Ну конечно! Ваня, вот, слушай, имя хорошее... Ваня, вот представляешь Иисус Христос родился. Ангел кому там явился? Говорит: "Великую радость возвещаю, че там? А? Пастухам явился, пастухи пришли, удивились, обрадовались... рассказали всем, а все обрадовались, нет? Что Иисус родился, радость то всем же людям, а че там не обрадовались-то, а? Не обрадовался, я не знаю, к этому тексту хотел обратиться, может быть немножко позже, но что-то так по рассуждению, я его вытащу из памяти своей, из Библии... Написано: "Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. (2-е послание Тимофею 3:12 — Библия: https://bible.by/syn/62/3/#12) Всегда, когда рождается Иисус Христос, рождается в нашем сердце всегда будут противники. Всегда будут гонители, мертвых не гонят. Если ты живешь хорошо, спокойно в этом мире, если ты не преобразуешься обновление ума своего, а сообразуешься с веком с этим, если там, где ты учишься или работаешь всегда: "Слушайте! Да это баптисты! Они хорошие люди, они не пьют не курят! Им что-то можно доверить... И на тебя уже смотрят: "Да! Это все хорошо...!" Подумай о своем духовном состоянии! Может быть Христос у тебя не родился, может быть Он уже у тебя поблек, может тебя уже и гнать не нужно? Иисус Христос только родился, сразу Ирод зашевелился, потом первосвященники, фарисеи, там у них зубы ходуном ходили, они хотели уничтожить Его, потому что Свет, знаете, Он обличает человека, он обличает, он выводит всю нечистоту: лень, равнодушие... Христианства двадцать первого века Он выводит наружу, что ты уже осел. Ты уже забыл, ты забыл, как Бог тебя омыл от прежних грехов. Вот это гонение очень хороший показатель. Если тебя еще гонят, до сих пор, значит все еще нормально. Сразу, я не помню сколько он солдат послал, да? Ну большое количество солдат он послал и говорит: "...уничтожить, уничтожить всех младенцев до двух лет..." Там даже эти женщины они плакали, и дети были уничтожены. Только родился Иисус Христос, проходит какое-то время, до двух лет, по-моему, да? Все были уничтожены. Если Христос в тебе родился, значит ты будешь гонимый. И в Библии написано: "...радуйтесь, всегда благодарите..., вы блаженны, если вас гонят за имя Иисуса Христа..."

Лазаря давайте возьмем, ну Лазаря историю все знают? Есть, те которые здесь Библии не читали? Руку подымите, кто вообще про Лазаря не разу не слышал! Есть такие, кто по Лазаря не слышал? Что, все слышали что ли? Грешников нет, все верующие. Ну слава Богу!

Ну, я так коротко за Лазаря, просто некоторые пункты отмечу. Ну, заболел. Иисусу говорят: "Лазарь, которого Ты любишь, болен". Ну и так, наверное, много раз слышали и сами понимаете если друг болен, че нужно Ваня сделать? (Обращается к брату Ивану). Ну конечно, бежать, бежать. Да, прям сразу бежать апельсины, мандарины и бегом. Наши братья, сестры, болеют, это сразу все, наверное, в больницу, да. Надо посетить... наконец-то... там очередь целая. Ну, до драки не доходит, потому что баптисты, наверное, каждый: "Сегодня я пойду! Завтра я!" А тот не знает уже, как отбиваться от

этих апельсин и мандарин...

А Иисус не торопится, ну так оно получается, Он не торопится, переждал еще, и когда Он появляется, написано, говорят: "Четыре дня во гробе, уже смердит..." Эти сестры, они не верят, что что-то с Лазером может произойти. И Иисус говорит: "Отвалите камень...". Вот это место я хотел немножко (подробнее). "Отвалите камень" - ну знаете, как евреев хоронят? В саван заматывают, в землю не закапывают, а туда в эту пещеру и камень. И вот эта фраза: "Уже четыре дня во гробе, уже смердит...". Отваливают камень, выходит этот Лазарь, труп, понимаете? Выходит труп! Марфа, Мария, вот написано две сестры и брат, но родителей нет. Я так понимаю, что, наверное, они сироты уже. То есть они же друг за друга, они живут единым целым и самые близкий, которые у них есть брат. Лазарь умирает, просто степень горя. Я думал, ну теряли близких, да? Может быть родители кто-то хоронил, кто-то детей не дай Бог, родители хоронили или еще кого-то? Это горе, знаете, даже мы верующие, но, когда уходят близкие, ну да, хорошо, на небо, слава Богу, но никуда от этого денешься, мы люди.

И вот они скорбят, понимаете? И вот вдруг этот их брат он выходит, развяжите... "Выйди Лазарь!" вы представляете какая сила? Сила рождения Иисуса Христа, сила воскресения! Выйди, Лазарь! Выходит труп, разматывает его, все радуются, нет, Вань? Кто радуется? Ну Марфа, с Марией радуются? Радуются! Плакали вот эти, которые плакальщицы, тоже радуются. И вот Лазарь идет теперь вместе с Иисусом Христом, идет по этой Палестине и все: "Ой, слава Богу! Был мертвый, ожил! Сейчас мы будем всем показывать, рассказывать, какой Иисус хороший, правильно ведь? Как на самом деле, Ваня, происходит дело-то? Ты не отвлекайся, с кем я буду разговаривать? Не отвлекайся...!

Брат с места подсказывает: "Положили в совете убить и Лазаря!"

А.М.: Вот, вот Николай! Представляешь? Убить! Вы понимаете? Почему убить Его? Вот знаете свидетель, вот это слово, все-таки с братом начал разговаривать..., убить они Его решили потому что это живой свидетелей. Ему не надо плясать, не надо ему там картинки какие-то рисовать, красиво рассказывать. Он был мертвый. Он был мертвый и ожил. Вот оно самое основное свидетельство. Вообще есть разница между мертвым и живым? Ну предложил мертвый, да? Смотрите, вот возьмем тут стол расставим. Ну и положим трупы, вот так лежит этот труп, хороший лежит, нормальный. Ну я подошел, немножко расчесал его, да. Чуть-чуть там его, ну вот как губы там может подкрасил, если это женского пола. Ну вот труп — это будет толк или нет какой-то, изменится этот труп, нет? Он как был трупом, так и останется. Вы понимаете? Ничего не изменится. Так он, как был трупом, так и останется. Но оживить его может только Иисус Христос, понимаете? И вот, есть разница во мне, видна ли это разница живой я или мертвый? Может быть только косынку одел, может только в собрания хожу, может эта жизнь только в этом и заключается? Жизнь в чем заключается? Маленький ребенок, когда родится, что он делает, Ваня? Да конечно, он не молчит, он кричит, понимаете? В нас должно это кричать. Написано в книге Иеремии: "Я хотел молчать...!" А почему он хотел

молчать, Вань? Наверное, притомил я тебя? Но другого уже не выбрать... Почему хотел Иеремия молчать? Помните, по тексту двадцатая глава? Потому что только откроет рот, ему сразу говорят закрывай. Закрывай свой рот. Почему ты там это говоришь? Те люди, которые говорят от имени Бога, они крайне неудобные, неудобные люди. Но говорит: "Я не мог молчать, я не мог не говорить!" Вы просто проанализируйте свое состояние сердца, про Иеремию читаю, я анализирую себя, зачем мне кто-то, да? Живой ли я на сегодняшний день? Живой ли я, есть у меня такое свидетельство, что я не могу не говорить, что меня раздирает, раздирает на части, у меня горит? Если я вижу грешников, как знаете... вот помните, вы покаялись, а? Вот давайте начнем с самого начала.... Вот вы грешники окаянные, все же грешники окаянные были? Или у вас такие не были грешники? Так, чуть-чуть подлакировал труп и все, да? Может и подлакированные есть, я не знаю? Если подлакированный, то надо рождаться. Надо чтоб Иисус родился в сердце. Помните вот покаялись вы? Покаялись, получили рождение свыше. Вань, что там у тебя в сердце было, рассказывай? Да радость! Да не просто радость, великая радость, которая всем людям, вот тут мы это получили эту великую радость. Нас нельзя было остановить. Вот знаете, как сказать, ну сейчас это христианство знаете, мы начинаем прилизывать. Тихо, спокойно, культурно. Знаете, когда я покаялся я эту культуру, эту вежливость, я не помню этого слова. Я единственное помню, что я не мог не говорить. Я там держу, это пригород города Новосибирска, до двух ночи я ходил по этой местности. Ну, я какой был человек? Я был вот этот Лазарь, Гадаринский был. Если в то время бы я умер, до обращения к Богу, сказали бы: "собаке - собачья смерть". И все люди в этой местности во все пузо перекрестились бы - наконец-то от него избавились. Они боялись меня. Ну кому нужен бандит, кому нужен разбойник. Я, когда последний раз освободился, у меня был срок четырнадцать лет, я помню пришел к своему двоюродному брату. Я не помню, что мне нужно было... Кнопку нажал. Выходит жена его, татарка, Ольга. Вам, говорит, кого? Такая, прям, интеллигентная, расфуфыренная... Я говорю, к Юрке, к брату пришел... Она дверь закрывает и говорит: "А его нет дома!" Вот так меня мир встретил, вы понимаете? Нет дома! Хорошо, что мать еще живая была, мать меня встретила. Знаете, никому не нужны люди грешники, никому не нужны... И вот... подождите далеко от берега отплыл... пример стал приводить - мысль потерял. Сейчас, секундочку, я вернусь. Забыл.... Ну ладно. Никому не нужен.... ..Кроме Иисуса Христа.

И вот знаете, я понял. Знаете, я не мог пропустить ни одного человека, чтобы не сказать ему: "Иисус любит тебя, Иисус за тебя умер!!!"

Я не приглаживал, я говорил конкретно, я разрывал свое сердце, оно уже было разорвано Иисусом Христом, я говорил, я не мог не говорить. Неужели ты не устал еще жить в своих грехах? Неужели ты не понимаешь еще один шаг, и ты полетишь в ад? Я не выбирал эти слова, вот все, что у меня горело на сердце, я говорил... Вы знает - люди слушали. Сейчас прошло двадцать два года, как я верующий, меня уже в поместной церкви уже по несколько раз и прилизали меня и причесали меня и уже интеллигентными нас сделали, уже в президиум периодический ставят, видите, я уже

тут за спиной ваших пресвитеров сижу... И так потихонечку знаете утихать, утихать начал, а потом, когда читаю, за пролитую кровь Иисуса Христа, думаю, слушай, Анатолий, он не постеснялся тебя, он не постыдился тебя, когда ты был на самой помойке греха. Он склонился и когда все люди на мне поставили крест, даже верующие... Я прошел три церкви нашего братства. В одной церкви, в которую первой ходил, там пресвитер сказал: "От тебя чуть не перекрещивались - колдун в Церковь пришел, бойтесь его!"

А я в то время уже не колдовал, я уже в то время не занимался экстрасенсорикой, я понял, что Бог говорит, это мерзость. Меня боялись, от меня отворачивались. Люди потом, с которыми вместе я служил, ездил по зонам, они мне говорили, вот едем мы на какое-то посещение, вспоминают меня и говорят, за него толку молиться уже нету. Никогда его не вымолишь, этот человек, он уже все в один конец. Все отказались, вы понимаете? Кроме Иисуса! Бог пришел взыскать и спасти кого? Погибший я был, вы понимаете? Я точно помню, я был мертвый, я был погибший и Бог меня воскресил. Вы понимаете, мертвый и воскресший. Ну как об этом молчать?

Может быть я еще хочу сказать, почему, может быть, свидетелем быть очень неудобно? Почему вот этого Лазаря хотели убить? Почему? Живой свидетель глаза колит. В психушке никто не был ни разу? Ну, не обращались, как сказать, к психиатру, там справку нужно на права, там еще че-то, у вас такого нету? Обязательно психиатры, это у нас..., ну в России все психиатров проходят, когда нужны какие-то документы, на работу там какое-то специальное. Ну в общем, в психушку я попал к психиатру. Ну только уверовал, только уверовал. Помните, горячий был, как я рассказывал. Ну, значит, попал к ней, сижу. Ну, там такие вопросы, слушай, я до сих пор понять не могу. Там вот: "Птичка летает? Летает! Молоток летает? Я говорю, нет, не летает." Ну, вот так вот, они вот такие вот вопросы непонятные для меня до сих пор. Потом говорят... еще что-то мне сказали, знаете как-то раз я попадаю в струю, в нашу струю баптистическую, струю благовестия. Я ей за Иисуса Христа... Минут десять она слушать меня, тут все разрывает уже, я ей рассказываю... Потом говорит: "Минутку, минутку". Я насторожился, на всякий случай примолк все-таки начальство есть начальство, она куда-то звонит и заходит еще одна дама. Та дама помоложе, она мне говорит, продолжайте. Представляете двое слушателей, а? Понимаешь, да? Один или два, два лучше слушателя. Я двум слушателям, как соловей там разливаюсь. Она говорит: "Достаточно!" Я притих опять. Она у этой спрашивает: "Ну как?", та говорит: "В пределах нормы, здоров!" Раз мне справку написали, я потом жене своей рассказываю, слушай, Тамара такое дело... Она говорит: "Ты что? С головой не дружишь? Это же психиатры, они могли тебя в психушку даже упрятать..."

Я не думал об этом, мне нету разницы кто передо мной, понимаете? Погоны ли это, халаты ли это белые? Мое дело, что сделать? Рассказать, рассказать о Иисусе Христе. Это моя жизнь, это повеление Бога - "идите и говорите". Это повеление не только мне, и не только этим апостолам, это повеление каждому, кто в зале сидит. С утра, вот с утра

ты подымаешься, да, вот как ты молишься? Момент... смотрите еще в Ветхом Завете написано: "Бог помышляет..." О чем помышляет Бог?

Брат Коля с места: - Не отвергнуть даже отверженных (Текст в Библии: "Мы умрём и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать; но Бог не желает погубить душу и помышляет, как бы не отвергнуть от Себя и отверженного". 2-я Царств 14:14 — 2Цар 14:14: https://bible.by/verse/10/14/14/)

Брат А.М.: Коль, ну что ты подсказываешь, я так и не узнаю, как тут, кто думает. Молодежи надо, они что-то так притихли подозрительно. Вы знаете, да? Ну если дословно не помнишь? Ну ладно! Бог помышляет как бы не отвергнуть и отверженного. Слово "помышляет" понятно, нет? Ну вот знаете, бывают мысль пришла, там, ну и ушла, и ушла. Ну это так чисто эйфорическая мысль, а помышляет - это напряжение, вы понимаете? Бог помышляет, Он напрягается, Он ищет варианты, Он ищет... Помните сколько Он искал способов чтобы подойти к твоей душе? Там и проповедники подходили, там тебе и молоток откуда-то падал, и Бог через обстоятельства говорил... И Библию тебе подсовывал, понимаешь? Что только Бог не делал? Он помышлял, как бы ты отверженный, грешник все отверженные. Мы ж под проклятием жили, вы что помните, нет? Мы проклятый народ, мы язычники, под проклятием находились. А Бог все это время о тебе помышлял, как бы не отвергнуть и отверженных.

Вань, о чем ты утром помышлял сегодня? Честно! Да, конечно ты (обращается к Ивану). О Слове Божьем! Я вот иногда раньше по Преображению ездил, там были такие, ну как сказать, они такие были полухаризматические и там часто рассказывали об Иисусе Христе, спрашиваем: "Вы что-то поняли?"

"Да, - говорят поняли, - о Боге говорил."

Опять другого спрашиваю: "О чем говорил?" Отвечает: "О Боге говорил...".

Я терялся, уже не знал, как и что говорить. Бог помышляет, как бы не отвергнуть и отверженного. О чем утром помышляли мы? Была ли у нас хотя бы одна мысль вот о том соседе алкоголике, который уже настолько примелькался, он по этой улице ходит, он валяется. Может быть помышляли, слушай, а сколько в Эстонии сидит людей, сидит молодежь. Мы сейчас по Латвии проехали, десять служений совершили с братом. Молодежь сидит, сидят молодые. Вот мне таких вот как я шестьдесят четыре мне уже года, я древний. Таких уже мало. Сидит молодежь. Вы хотя бы раз помыслили о тех людях, которые грабят вас. О тех людях, которые могут залезть в ваши квартиры, о тех людях, которые самые несчастные, о них никто не молится. И они там никому не нужны. Помышлял ли ты об этом или не помышлял?

Знаете, вот есть такая фраза в мире, может быть она и правильная. Сытый голодного не разумеет. Бог помышляет, помышляет по сегодняшний день. Не о том, чтобы вот поесть, поспать или там ну под себя и для себя, а Бог помышляет вот этого отверженного. А если мы его дети Божьи, ну представляете, вот родители, да, вот мы родители -

воспитываем детей. О чем мы хотим, чтобы дети наши думали, да? Чтоб они о Христе думали, ну, о чем мы думаем, понимаете? Чтобы они так же Богу служили. Если мой отец как бы не отвергнуть отверженного, а я об этом даже и не думаю. Молодежь, вы думаете об этом, нет? Что вы там на лавочке притихли? Думаете, нет?

Хорошо, я еще один пример расскажу. Ну с Лазарем, в общем, понятно, да? Решили убить его. Не написано в Библии убили или не убили, но скорее всего знаете, если Бог допустил, то скорее всего и убили. Потому что, если Ирод... Сатана ставит какую-то задачу, они тоже добиваются своего.

Еще один пример я расскажу. Я не перелистывал Библию последний раз про этот момент. Ну, может быть, вы напомните? Или город Самария при Ахаве, или город Иерусалим при Иезекии, я сейчас не помню. В общем, окружили войска неприятелей. По-моему, все-таки это при Ахаве было. И там голод до такой степени дошел. Что две блудницы, они договорились между собой, съесть своих детей. То есть детей съесть! Представляете степень голода? Вы когда-нибудь голодовали, нет? Был когда-то голод у вас? Был, да? Ну то есть знаете, что такое, да, голод? Ну вот я помню первый раз, когда посадили меня, я пришел на общий режим, у нас в Новосибирске. И попал на ужин. И там дали такую шлюмку (миска, тарелка) металлическую, а в шлюмки металлической, там синяя жидкость. Я вот смотрю на эту жидкость, думаю, что это бы это такое могло быть? Синее, синее... и глаз смотрит рыбий на меня... А хлеб был такой черный, знаете, спецвыпечка! Если так вот хорошо кинуть к потолку, он прилипает, то есть, есть его практически невозможно. Я выпил вот эту жидкость, там глаз рыбий оказался, значит и кость, хорошая обглоданная рыбья кость, вот так она лежала, понимаете? Я так посмотрел на все это печально и нас погнали в клуб. Клуб, чтобы какой-то фильм смотреть, я уже не помню какой фильм там был. И вот знаете вот достал я эту корочку хлеба, такую, которая есть практически невозможно. А я раньше был грешником, я в кино выходил. Сижу в кино это, как и называется, вот такие заварные пирожные вкусные, такие кушаю, наслаждаюсь. А тут достал вот этот хлеб, который есть возможно та ем, думаю, слушай, какой вкусный хлеб, а. Лучше всякого заварного пирожного. Ну, может быть, так немного, но я голод испытал. Там такая зона была спецлютый.

Я просто немножко приникнуть, говорят холод и голод — это, по-моему…, в книге Храпова я прочитал. Ну и вообще так я понял, в Сибири живу, что это две стихии, против которой человек практически устоять не может. Холод и голод. Съели ребенка и у них спор... В общем Ахав разорвал себе одежду всю, вот от этого ужаса. Голубиный помет ели, и вот четыре прокаженных... Я на них хотел обратить внимание, четыре прокаженных. Ваня, это кто? Прокаженные это кто...? Да, точно гнилые куски мяса и значит у них какая перспектива? То есть они уже домой к себе, к детям, своим родителям своим, они уже вернуться не могут. Прокаженных в то время не исцеляли, один Нееман там был, исцеленный, и все. И еще на них были колпаки одетые, ну только одни глаза были видны. И они, если кто-то к ним приближался, нечист, нечист. Если они выходили куда-то, их могли побить камнями даже. Вот такая вот история.

И они тоже голодуют, они также голодуют эти прокаженные. И вот они решают, что им делать. Если в город пойти, перспективы там непонятные, или вместе с голодом им с ними умереть или камнями побьют, понимаете? Они же рассуждают. Говорят, пойдем к сирийцам, может быть хотя бы накормят перед смертью. Вот так, я думаю, они рассуждают. Идут они в этот стан ночью, а там Бог спас этот народ. Помните, там шум какой-то появился. И все войска эти как побежали, они побежали, там ничего за собой не брали. Они одежду покидали, провиант покидали все. И прокаженный заходит первый шатер… Слушай! Поесть можно, можно поесть! Голодному человеку поесть, наконец-то можно сюда положить что-то.

Они радостные, в рот суют, радуются. Слушай! Богатство, богатая одежда, золото... Вы помните, когда мы благодать-то получили, да? Помните, когда мы покаялись, какая благодать была у нас? Мир, покой, радость, жизнь вечная, самые богатые люди в мире мы стали, у нас столько много, представляете, и материального, и духовного, и душевного. Раз, раз, раз пошли спрятали, вот точно, они спрятали, для себя спрячем. Вошли во второй шатер то же самое повторилось опять. И потом, кто-то один из них… Как он сказал? Неправильно мы делаем. Нужно пойти в город там такие же умирающие, как мы были. Пойти и что? Сказать им: «Идите! Здесь много хлеба, идите, здесь все есть, вы не умрете с голоду!» И они пошли. Ну, там уже другая история, поверили, не поверили. Потом они все-таки проверили. Собирали, что унести, не могли - столько было много. Я один момент с этой истории хотел взять. Неправильно мы делаем. Можно было ведь дождаться утра? Ну что ты торопишься? Дождись утра. Еще можно собрать, еще богатство можно собрать, можно еще спрятать, можно еще… ты поел, поспи немножко и еще поешь, еще б одного ребенка за это время съели в этом городе. Еще бы десятка три человек бы умерло от голода. Неправильно мы делаем, друзья. У нас есть все. Мы очень богатые, а кто-то умирает, умирает от голода, убивают друг друга. Я вот на пожизненном был последний раз, да? Мальчишка там Костя, молодой сам по себе, ершистый такой. И старается вопрос такой задать, как сказать? Против течения. А я смотрю на него, у меня слезы льются, мне жалко его. Пожизненно у пацана, тридцать один год он потом сказал его возраст. Я его спросил, говорю: «Слушай, Костя, а сколько ты уже отсидел?» Пожизненно это значит, человек никогда не выйдет. Он говорит: «Отсидел двенадцать». Я говорю: «А сколько же тебе лет-то было, сынок, когда тебя посадили?» Он говорит: «Девятнадцать».

Пацан, девятнадцать лет он никогда не выйдет. Так жалко, жалко мне устало этого парнишку. Просто жалко. А глаза у них, понимаете, как сказать, ну чувствуется, хищники это. На них кровь по два, по три убийств у них. Это, в общем-то, как во рве со львами, духовно опускаешься. А так-то, в принципе, это молодые. И вот как им не сказать о Иисусе Христе? У них больше нет шансов, они отвержены этим миром даже, даже в зону их общую не запускают, пока двадцать пять лет не отсидят, и некоторые говорят даже: «Я не смогу, даже двадцать пять лет отсижу и меня не примут». Такие преступления они совершали. И для меня вот эта радость, что мой Бог помышляет, как бы не отвергнут и отверженного. И что там сила свидетельства… Я им там говорю: «Я не

сказочник, я не Андерсон. Я рассказываю только то, что я пережил сам».

Меня самого должны были расстрелять. Самое страшно мое преступление. Мне сказали, что этот человек он умер. Я был в бегах, где-то полмесяца был в бегах. Я понимал, что, если меня поймают, меня просто расстреляют. То есть я б знал, что это такое, что такое смерть. Мне просто повезло, как я считал. Потом я понял, что это Бог помиловал, что этот человек этот выжил. Понимаете, это просто милость Божья. И да, я хоть немного могу этих людей. Я говорю: «Бог может зайти вот в эти клетки ваши, туда, кто вообще никто не заходит. Туда вообще никакого света, имею ввиду духовного света нет. Бог может прийти, склониться над вами и здесь вам вечность подарить». Но для этого нужно иметь силу свидетельства и знаете, вот мне все время кажется так я по себе это рассуждаю, там написано: «…вникай в себя», в первую очередь, да, и «…вникай в себя, потом в учение…» я стараюсь вникать не то, что там каждый день, но все равно размышляю, думаю. Вот где это горячее свидетельство, которое у меня было после покаяния? Которое было первые годы? Меня ничто не могло остановить. Ничто не могло остановить: ни полиция, ни милиция эта, милиции уже не было, понимаете? Я не мог не говорить.

Проходят годы и свидетельство как-то затирается, понимаете? Затирается и ты думаешь, что ты всегда уже был хороший и всегда ты сидел вот на этой лавочке и всегда тебя вот до этой кафедры допускали, чтобы что-то ты сказал… Ты забыл, забыл прежнее очищение грехов, это Бог мне так говорит! Я так думаю, Господи, да освежи Ты меня!

У меня было три благословения в этом году, очень хорошие благословения, я хотел с вами поделиться. Одной из благословений…, ну значит 18 апреля у меня был обширный инфаркт…

Братья продлевают время проповеди.

Брат А.М.: До двенадцати разрешили, ну если сильно притомлю – скажите. Я покороче скажу, меня научили уже и коротко и долго говорить - всяко. Сейчас, подожди, я с мысли сбился. Видите, больше шестидесяти лет у меня с головы уже не очень. Я всегда проповедую даже среди зэков, таких самых уже (безнадежных), я говорю: «Не перебивай, если перебьете, я могу сбиться».

Подсказывают братья с места: Три события в этом году…

Брат А.М.: Да не кричи, да не кричи, я слышу, я вспомнил. Я вспомнил.

Как раз были две поездки, у меня очень серьезные. Одна по зонам, одна по детским домам в Северо-Омской области. Но где-то буквально на колесах двадцать дней. Двадцать дней, может быть, за это время сорок служений? Я сейчас не помню. Приехал домой утром, пошел в свой братский дом, у меня братский дом. Братский дом это ну, уже вы поняли… Слава Богу, что у вас есть братский дом. Я, когда об этом узнал, я так возрадовался. Думаю, ну как бы мне попасть, в этот загадочный город Валгу? Как бы мне

здесь вместе со всеми порадоваться? Как бы мне пойти к этим грешникам, увидеть? Я вчера увидел, вот они хорошие друзья мои сидят, а так порадовался.

И вот у меня около двадцати человек сейчас, да? Это наркоманы, алкоголики вот такие вот люди. Ну я с утра и пошел к ним, пошел к ним, чтобы радостью поделиться радостью благовестия и где-то побыв с ними немножко и раз, так вот знаете, как в оковы схватило сердце, вот как обруч так сдавило… Я говорю, все, я пополз. Я говорю, ну если я оклемаюсь, через час я приду. Домой захожу, значит и все, и сел. Вот где-то по пояс я буду, чтоб так на диванчике сижу. Знаете, слабость сильная такая, пот льется. И как будто здесь нож вонзили и не вытаскивают. Такая боль! Ну жена она сразу там всем молитвенникам позвонила. Скорую помощь вызвала, а вот момент я хотел сказать, вот сижу я, да, на себя наблюдаю. Ну вот так вот для себя по пояс смотрю, кусок мяса! Кусок мяса, сейчас дух выйдет, выйдет и тело понесут, на погост его понесут. Вот эту шушлайку, вот эту одежду, в которой завернута моя душа, она уже никому не нужна будет. Ее просто понесут на погост.

Со скорой помощи Володька приезжает, я знаю, он часто в братский дом приезжает. Бегает, суетится вокруг меня, там че-то я не знаю кардиограмма или че он там делает, а у меня немножко так отлегло, я говорю: «Володька, слушай! Я тебе хочу сказать радостную новость, я сейчас ухожу отсюда, я ухожу, я глаза сейчас здесь закрыл и сразу открываю их, раз! И у Иисуса Христа открываю, а там Бог и сердце новое даст, понимаете? А у него пот градом льется еще больше, чем у меня. Он говорит: «Я атеист, я за тебя бороться буду!»

Я говорю: «Да, борись не борись, как Бог у смотрит».

Ну там что-то он как-то кардиологам звонил. Дорогой укол - пятьдесят тысяч мне поставили, это вообще редко очень ставят, ну чтоб боль отлегла. Но свидетельство это, которое внутри меня, о жизни вечной, я сказал ему, а почему я сказал? Да потому что оно было во мне на тот момент, понимаете, оно было. Я точно знал, что Иисус мой меня ждет. Меня ждет. И знаете, вот может это в реанимации, ну не отвезли сразу на операционный стол лучшей Новосибирской больницы, и сделали операцию. Сюда (указывает на грудь) пружину поставили здесь она сейчас нормально стоит, и я стал жить.

А получилось, как? Ну еще может момент такой. У меня две внучки есть, Даша и Варя. Они, ну может чуть коротко историю про них, как свидетельство вообще, что Бог меня даже на земле здесь благословил. Такому человеку, как я, он дал жену. По милости Божьей. Я б вам говорил, что все от не отказались, никто за меня даже молиться уже не хотел. Единственное, кто меня вымолил, это моя жена. Она до конца верила, что я стану верующим, она верила и она молилась за меня тогда, когда с меня толку не было. Я не мог расстаться с этой сигаретой. Говорит (жена): «Когда я молилась, я видела тебя на кафедре, что ты Слово Божье проповедуешь».

Никто в это никогда не верил, что с меня будет толк, понимаете? Вот такая жена! Мне

Бог дал ее по милости, самая красивая женщина в мире звать ее Тамара. Она очень мудрая. Если что, приезжайте в гости в город Новосибирск в братском доме побудете, у меня в гостях побудете. Жена у меня очень гостеприимная. И вот дочку дал, дал дочку, Галочку. Сейчас ей двадцать четыре года, сегодня день рождение. Вот надо позвонить, поздравить. А самое интересное, он дал мне еще двух внучек. Дашеньку и Вареньку. И знаете, а сейчас же знаете, вот когда человек беременный, там этот снимок делают. В курсе, да? УЗИ или как называется? И Галка, она мне не раз и вот это УЗИ показывает. Там двое! В животике, в ней, у моей дочери – двое! Я обрадовался так! Думаю, ничего себе, такого изверга рода человеческого Бог еще благословляет, еще дает две души, две внучки. Я сразу руки на эту фотографию, говорю: «Господи, как я благодарен Тебе! Ты усмотри чтоб мои внучки…, они были верующими, благовестницами. В общем, Варя будет у меня поэтессой, но я так у Бога прошу, а дальше она благовестницей. Ну, понимаете, так вот. Помолился, все добросовестно, а Галка еще молоденькой была, ее по больницам, по больницам на сохранение… И один раз она звонит своей матери, ну, моей жене, Тамаре говорит: «Врачи сказали ее сохранят, а девочек не будет».

У меня такое ощущение как будто как дали по голове. Я потерялся. Я правда потерялся. Я вообще забыл… Иисус… Я вообще все забыл. Просто невменяемый я был. А потом уже так сквозь пелену через боль эту, я не знаю, как в отчаянии… Раз, раз, раз. Иисус, Иисус. А там написано, помните: «Кто призовет имя Господне, тот?» Вот это для меня очень хороший якорь. Я потом еще эту историю расскажу, я палец загнул. Или напомнишь, Вань? «Кто призовет имя Господня, тот спасется» - это вторая история будет… Что меня изменило вот за этот год, что меня освежило.

И значит это… Они в общем родились семимесячные. Каждая была меньше килограмма. Мы, когда привезли чепчик и одежду, ну там надо переодевать, когда их… Чепчик на голову одеваешь, завязывать можно было на пятках. Их сразу в больницу отвезли, два месяца они лежали под колпаками, там трубочки, понимаете? Врачи говорят: «Они не выживут, толку нет, смысла нет…!»

А я к Иисусу, к Иисусу… Я не догматик, я может быть красиво рассказывать не умею, может где-то меня можно в угол прижать, да, че-то могу запнуться, но мне Бог дал по милости детскую веру. Вот самое ценное, что во мне есть, это детская вера, я по-детски верю, что Иисус - это мой Отец. Что Он действительно за меня умер. Я знаю, что, когда я Его прошу сразу раз ухо ко мне говорит: «Толяша».

Меня мама так звала.

«Толяша, что ты от Меня хочешь?»

Понимаете, вот эту детскую верую…, я храню ее. Я не хочу никому на растоптание, ни закону, ни фарисейству, ни тем более греху, не хочу отдать эту детскую веру. Я по-детски молился. Они живые до сих пор, сейчас им пять лет. Шустрые, как два электровеника, такие хорошие.

И знаете, я потом узнал, когда меня понесли, как оно называется? На тряпке я лежал на этой, ну типа коврика. Братский дом же меня и понес туда. Когда скорая помощь-то приехала. А Варя, говорит: «Слушай! У дедушки ножек нет. Он, наверное, ходить не будет?» А вторая, та пошустрее, она говорит: «Молиться будем…»

Им пять лет, но они семимесячные, они не очень «рэ», «лэ» выговаривают, но они уже соображают, они на колени обои встали: «Дедушка, дедушка, чтобы живой был!» Иисуса Христа (просят). Вот так они помолились. Я по милости живой вот такое у меня свидетельство, и когда лежал я в реанимации, знаете вся жизнь прошла перед глазами. Вся жизнь прошла. Я хочу засвидетельствовать. То, что я был неверующий, это настолько пустота, это вообще…, ну вы, наверное, сами понимаете? Но самое основное свидетельство мое то, что я прожил вот эти двадцать два года христианских. И знаете, настолько они пустые и никчемные мне показались, где я обижался, где я с кем-то вздорил, где-то пытался натянуть это одеяло на себя, где я не мог вместить какого-то немощного - это такая пустота, такая шелуха и на Небо это ничего не пойдет. Единственное только что вот я сделал ради Иисуса Христа, может даже самое немощное…. Мы как за больных рассуждали, да, хотя бы больному пошел стакан воды дал или мандарин принес, ради Иисуса Христа. То что сделал ради человека - это единственное, что может пойти на Небо, остальное это шелуха и знаете мне вся Церковь…, у нас же тоже в Церкви всякое разное бывает? Вся Церковь у меня предстала перед глазами, у нас человек, наверное, двести пятьдесят, побольше чем тут сидит… Я по именам даже не знаю. Я за всю Церковь первый раз в жизни молился. Я кого по именам не знаю, прямо: вот эта сестра, вот, которая здесь и вот здесь, понимаете? Настолько хорошая Церковь, настолько все хорошие братья и сестры. Я самый худший из них… Мне столько звонили пока лежал в реанимации, наверное, столько никогда мне не звонили, ну может когда еще в том году меня арестовывали за дело Божье. Где-то сутки в милиции продержали, там телефон оставили, может тогда вот еще столько звонили. Настолько все они хорошие и настолько я рад, что у меня есть братья, настолько я рад, что и сестры, если с кем-то у меня что-то неправильно - это моя вина, это Бог меня очищает, чтобы я еще больше смирялся.

Бог освежил меня и вообще я так думаю, что каждому баптисту бы неплохо пройти через такое освежение. Ну не обязательно, может быть, обширный инфаркт миокарда сердца, но, чтобы все-таки очень хорошо, когда Бог нас так вот трясет. Когда потрясет немножко нас, знаете, сразу переоценка ценностей. Сразу всё. Сразу вспомнишь, какой ты бы грешник окаянный. Сразу вспомнишь, как Бог за тебя уже Кровь пролил. Вы понимаете? Победили Кровью, Кровью Агнца.

Вот я еще может такой момент, чтоб эта Кровь, она не потеряла свою значимость для нас. Почему мы такие тут прилизанные? Вроде как сидим, да это не прилизанность. Это праведность Иисуса Христа, это через Его мучения. Мы красиво друг другу рассказываем, вот Он страдал. Вы знаете, как Он страдал, а? Его лик обезображен был паче всех…, плевали в Него. И римляне, вот эти бугаи, они били Его кулаками, Он

истекал кровью. Над ним издевались, просто издевались: «Прореки, кто Тебя ударил?».

Знаете, (ведь) люди, они очень ехидные, это мы с вами. Это все под сомнение берем. Если Ты Сын, ты сойди с креста. Это не сказки, это боль, это физическая, моральная боль.

Вот хорошо, если б это в нас жило. И знаете, когда я лежал вот в реанимации, я все вспомнил. Вспомнил ту помойку грехов, где я был. Иисус Христос Он же соткал нас во чреве матери. И потом всю нашу жизнь Он шел за нами, всю жизнь Он шел. И Он помышлял, как бы не отвергнуть отверженного и каждый день шел за мною и спасал меня.

Я помню, меня били тридцать человек, пинали, запинали ногами практически, я думал, все, я никогда не подымусь. Но там кто-то крикнул: «Милиция!» Еще милиция была тогда. И разбежались. Мне нос порвали кастетом, проломили голову. Я думал, я в рубашке родился. Потом только до меня дошло, что это мой Иисус, мой Иисус этого подонку, мне… Это Он руки Свои на меня наложил. И пинки по Его рукам, по прошлись. Часть ударов Он, большую часть, на себя взял.

Это некрасивые рассказы, Он реально страдал, Он реально плакал, Он реально переживал. Вот чтобы вот это вот не забывалось и все я это вспомнил, вообще все это вспомнил. И думаю, слушай, как я мало для Христа трудился. Как я мало для Него сделал, сколько раз я отдыхал, сколько раз служение было чисто поверхностное, чуть ли не для галочки. Как мало я свое сердце разрывал. Вы понимаете, что такое разрывать сердце? Можно сказать, Христос тебя любит и знаете, и никто тебе не поверит. А как им сердце разорвешь, действительно если разорвешь духовное сердце, там не только поверят... Мне уж то нравится, когда в зонах приходишь первый раз, даже эти пожизненные. Там такие лица, там стараются тебя как-то осмеять или еще что-то. И думаешь, как бы на Иисуса показать. Как бы, чтоб они Его увидели и знаете меня, что радует - сила, действия, Слова Божьего… Проходит десять минут. Ну, предположим, просто один случай, вот он сидит, вот так вот, вот так вот примерно сидит и думает: «Ну что этот дед может ему сказать?» Лицо надменное, губа вот так отвисает у него. Проходит минут десять, смотришь у него нога на ногу уже нет, смотришь у него уже руки опускаются. Проходит еще пять минут, смотришь у нее рот открывается, еще пять минут он уже весь поддался. Это Слово Божье действует, это сила Крови Иисуса Христа. Вот для меня это самое большое чудо, самая большая радость, когда я становлюсь этими свидетелем. Свидетеля того, как Иисус Христос меняет сердца человеческие, жизни человеческие, но для этого нужно чтобы Бог нас всегда освежал. Чтобы у нас спанья вот этого, для себя и под себя… Чтоб Он нас пробуждал, чтобы не были мы самодостаточные, понимаете, мы порой такие, что вот уже мы ход набрали, мы думаем, что из себя что-то представляем… Да, ничего мы не представляем!

Вот Иисус уберет благодать Свою… Вы знаете, что такое Иисус благодать уберает? Бывали такие моменты? И знаете, там внутри такое творится, что страшно становится,

какое там Небо. Думаешь, как бы, вообще, удержаться бы на этой земле и без благодати Божией, единственное, что мы можем только грешить, больше мы ни на что не способны. Ценить имя Иисуса Христа. Ценить Его, уцепиться всеми фибрами души и не отпускать… Вот это первое благословение, которое я получил… одно из благословений, которое я получил в этом году.

Бог освежил меня, дал мне внутри пересмотреть себя и сказал: «Цени это время, тебе жить может быть два понедельника осталось, может быть, меньше, ты вложишь в эту жизнь, вложишь в эту жизнь любовь к Иисусу Христу. Чтобы кто-то еще согрелся от Слова Божьего, кто-то может быть еще вдохновился. Да, ты вчера говорил. Ты можешь сейчас опилки перепиливаешь, ты вспоминаешь девяностые годы. Как ты благовествовал, как люди каялись, сколько их было много. Да сейчас уже 2018 год. Ты сегодня возгорись. Ты сегодня сделай так, чтобы люди через тебя могли к Богу приходить. Разорви ты это сердце, что ты за эту жизнь держишься? Она короткая за это жизнь…!»

Это мне Бог сказал. Второе благословение, которое я получил вы знаете, слышали, ЧП в Кемерово, «Зимняя вишня», наверное, слышали? Слышали, да? Суть какая, сейчас эти развлекательные большие центры строят. И там, как я понял, не магазин, а шопинги их называют, там можно в кино сходить чуть ли не в баню сходить можно, кафетерии там есть детские площадки, ну в общем все ты там можешь купить и можешь там целый день с утра пришел и до вечера. Вот это ярмарка суеты. Читали Буньяна, да? Это ярмарка суеты.

Мы один раз матрасы миссионеру искали и зашли в такое большое (здание), а там следы, понимаете? По следам нужно идти. Мы ходили, ходили, до матрасов и не дошли, потом уже выйти - не знаем как. Уже голова набекрень, ну два колхозника. Я подошел к мужику, там в белом халате, и говорю: «Слушай, отпусти нас с миром, нам уже плохо!» Он какие-то дверь открыл раз, и мы на выходе сразу. Оказывается, это специально, понимаете, завануха для людей. Ярмарка суеты.

И вот в этом шопинге, да, в «Зимней вишни». Не знаю, почему так получилось, но было очень много детей. Я сам сюжет запомнил и самое основное, я вам скажу, что вообще я взял оттуда. И там третий или четвертый этаж - горит. Я не знаю, когда мы испытывали пожар, у меня вот со стороны братского дома, веранда горела. Это страшное дело. Я в кухню заглянул, там пожар, колышит, я думал всё. Дом на двух хозяев. Здесь я живу, а здесь братский дом. Я думал всё, весь дом горит. Не знаешь, что делать. Страшно дело - пожар.

И что они там могли испытать? И там кричали, там пищали, там кто-то говорят прыгал с этого загадочного четвертого этажа или разбился, или не разбился, я не знаю. Но много людей погибло, они были в отчаянии. Я думаю, там страшно, что эти люди испытали. Там один только момент, вот эти вот крики их, оказывается, сейчас все вещи, вот эти камерами снимаются. Звуки эти снимаются. И то, что они горели и кричали… Я вот

задам сейчас вам… О чем они даже не крикнули ни разу? Вань, они даже не крикнули ни разу. Никто не призвал имя Господне, если бы знаете, я говорю, вот я такой верующий, по-детски наивный. Я верю сто процентов, сто процентов! Если самый маленький сопливый такой, три годика (малыш) сказал бы: «Иисус! Иисус!» Пожар бы остановился. Сто процентов остановился, потому что Бог - Он верен. Он верен, Он неизменный в слове Своём. Ни один не призвал, ни один. И знаете, мне стало страшно. А страшно, знаете, почему они не призвали. Вот догадывайтесь, нет? Вань, (почему) не призвали? Догадываешься? Смерть их устраивала? Да нет, их смерть не устраивала, это ужас был у них.

Не читали слово Божие, не знали они, виноваты, они не знали. Бог с нас, христиан двадцать первого и спросит: «А ты сказал, а ты помышлял с утра, как бы не отвергнуть и отверженного, ты сделал все возможное для того, чтоб таких вещей не было? Для того, чтобы человек, когда ему будет плохо, он призвал имя Господне?» Для меня как ножом по сердцам, так вот ножом по сердце, как полоснуло, я этот город Кемерово проезжаю раз двадцать раз в год. Как раз по зонам езжу посещаю, единственное почему я там остановился. Я не ходил по улицам этого города, я не выскакивал на остановках, не ходил и окружающим не говорил об Иисусе Христе… Это с меня Бог спросит. Может быть этих детей бы я не встретил, может быть, но кому я сказал? Каким людям я сказал? Бог с нас христиан 21 века спросит за тех людей, которые находятся в критической ситуации, которые погибают, и которые не призвали имя Господне. Призвали или не призвали - это их дело, там можно найти какие-то причины, но ты сказал или не сказал? Мне стало страшно, просто стало страшно. Я на Небо собрался, я хочу на это Небо, а пойду я на это Небо или нет?

Один раз в Кемерово… Я хочу рассказать эпизод. Я не хочу хвалиться, что у меня что-то доброе есть, наоборот показываю, как Бог со мной работает.

Один раз я проезжал это Кемерово, и разговаривал по телефону, брат мне звонил. А там у них был день города или день шахтера, сейчас не помню. Полиция на каждом углу. И разговаривая…

А когда полицейские, не надо чтобы они видели, правильно? Нужно прятать телефон, когда полицейские? Или вообще по телефону не разговаривать? Вань, как ты считаешь? Как? По обстановке действовать… Гибкая у нас сейчас вера стала, гибкая. Наши плоти уже разговаривает наполовину по-азовски, на половину они разговаривают по-еврейски, уже не то, что они преобразуются обновлением, а уже сообразуются с веком. И это от нашей гибкости, от того, что мы гибкие стали, потому что мы грех грехом перестали называть.

Нельзя разговаривать, я разговариваю. Полицейские, и я прячут телефон. А потом мне просто стыдно стало. Старый дед, играешь в кошки-мышки с полицейскими, а еще больше с Богом ты играешь, понимаешь? Стыдно, просто стыдно я же человек. Я этот телефон не прятал, я просто к остановке подрулил, остановился, договорил. А сам

глазом смотрю, а на остановке два бомжа сидят. Хорошие, грязные бомжи такие, классические. Один с синяком.

Ну и думаю, сидят бомжи, что надо? Надо же хотя бы трактатик дать, да, кусочек хлеба ж надо дать, Вань? Ну конечно, я вышел, дал трактатик, дал книжку… Ну и мне уже ехать пора, я на служение уже был десять дней, провел где-то может быть двадцать служений, пять тысяч километров… Этот круг у меня обычно за рулем. Думаю, доехать до дома, да в баню и всё. И отрубиться и спать.

И вот эти два бомжа. Я думаю, ну куда мне? Зачем они? Они не кстати. Ну уже вышел трактатик, дал. Думаю, ну поехал я. Ну на отвяжись на всякий случай одного из них спрашиваю… Я не объяснял ничего: «Ты в братский дом хочешь?»

Ну так, думаю, скажет «нет» и я поехал. А он говорит: «Хочу». Я думаю это надо же, а. Слушай, не мог остановиться около другой остановке. Он грязный такой. У меня идет борьба, лютая борьба идет. Я говорю, слушай, ты подумай хорошо. Там, говорю, пить нельзя. Алкаш, я чувствую алкаш. Там пить нельзя. Говорит: «Я поеду».

Думаю, ну как же отказаться-то от него отвязаться? Я говорю, там, слушай, там курить даже нельзя. Говорит: «Я поеду».

Все, моя плоть, она уже загнанная в угол, последний рывок делает… Материться нельзя! Говорит: «Я поеду».

И я понял, что плоть моя обречена, духу надо вступать в силу. А запах от него… А второй отказался… Запах невыносимый. Лето. Я окна открыл, чтоб хоть как-то дышать, мне тряпка специальная в машине, чтоб в машине и для таких людей. Посадил и поехал, а он невменяемый.

Потом я узнал, что у него один, или два, или три инсульта было. Вот такой человек. Три дня он в себя приходил. Я вообще… О чудо, что он выжил. И когда он пришел в себя, вот я хотел вот этот момент зафиксировать. Когда пришел в себя, и немножко был в состоянии разговаривать. Значит, он рассказывал следующее. Он понял, что уже в глаза ему заглянула смерть. Ну, он бездомный сам по себе был. Жил вот на этой остановке. С этой ночи уже немножко прохладно было. Но суть такая, что организм дошел до самого истощения. Он понял, что смерть уже вот она. И он говорит, я всю ночь молился Богу: «Господи, спаси меня! Господи, спаси меня!».

Понимаете, он молится Богу. А какому он Богу молится, Вань? Моему Иисусу молится, Которого я говорю, что я сильно люблю. Он моему Иисусу молится, Иисус меня приводит сюда, да? И теперь что нужно сделать, раз Иисус меня сюда привел? Что нужно делать с ним? Ну брать его надо, оно же понятно, да? Брать, это мой Иисус, сюда меня привел, а я начинаю торговаться. Я забыл, что это Лазарь, который четыре дня во гробе… Я забыл, что это тот Лазарь, от которого зловоние смердело, я все забыл. Забыл своего служителя К.К.К, когда от меня все отказались, он рукава засучил духовные и в эту помойку, помойку дерзнул залезть. Я все забыл. Сколько грязи за меня понес Иисус

Христос. Я забыл. А человек погибал. А я торговался. Я торговался. Говорю: «курить нельзя, пить нельзя…».

Настолько себе омерзительным стал… Думаю, надо же, как еще Бог меня держит. Как меня еще Бог носит. Он до сих пор еще не вменяем, он пережил два или три инсульта… Но знаете, что для меня очень дорого, он молится вот так вот, он поднимает руки (и говорит): «Спасибо Бог!» Это все что он молится. Ну он уже сейчас песни поет из песенника, он же соображает какая песня. Может быть он не будет у него рождения свыше, я не знаю этого, не знаю. Но мой Бог его ко мне привел. А я торговался.

Вот это единственное, что доброе и тот такой, знаете, с привкусом нехорошим, я сделал в этом Кемерово.

Эти дети, они не молились о Боге. Они не призвали имя Господне. Неужели нас Бог спросит, как вы думаете? Вот нас христиан 21 века, Он наверное спросит за наших соседей. За тех, кто на нашей улице живет, за тех, кто работает с нами...

После этого для меня было очень большое благословение. Где бы я ни был, зона, тюрьма, блатхата, детские ли это дома или группа молодежи, которые на улице или пьяные даже... Говорят пьяным нельзя благовествовать. Я не понимаю этого, может быть ты неправильно делаю, я не буду спорить...

Но я стараюсь всегда сказать самое основное: "Кто призовет имя Господне, тот спасется!". Может ничего более умного я не смогу сказать, ну хотя бы эту суть.

Я говорю, слушай, мальчик, слушай, слушайте дамы, слушайте мужчины если жизнь тебя вот так вот за кадык возьмет, когда тебе уже продохнуть нельзя может сейчас тебе хорошо, но когда тебя нож всадят в сердце, нож измены, предательства, когда ты поймешь, что жизнь бессмысленна в этом мире... Ты просто призови имя Господне, скажи: "Иисус! Иисус! Помоги!" И Он обязательно поможет.

Вот это для меня было хорошее второе благословение. Ну и третье может быть благословение. Вы знаете, это я покаялся. Я покаялся. Скажите: "Слушай, такой здоровый дядя!". Знаешь же, что нужно каяться. А каяться, оказывается, тяжело. Очень тяжело каяться. Ну, знаете я раньше вообще сильно много каялся до того, как свободу эту получил. Я в собрании, Дух касается, я прям выбегал, мне разницы нет.

- Господи! Прости меня...!

Бог дал облегчение и все.

А тут где-то года три, наверно, я уже не каялся. Собрание у нас хорошее такое было. Вот твой друг проповедовал в гости он приехал и так хорошо рассказывал, рассказывал, я сейчас даже немножко запомнил. Что Библия у нас охладела любовь. Что читаем на бегу, на бегу. Что откровение что-то маловато. Молитвенная жизнь скудная, ну так хорошо, мне так понравилось, он сказал. Я думаю, ну надо же - про меня, а сам я в президиуме сижу уже. Думаю, слушай, ну не удобно уже, сейчас выйду кается, а он к

покаянию призывает. Говорит: "Братья..." Думаю, пойду, решительность такая... Но что-то никто не выходит. Я трусоватый, думаю сейчас кто-нить выйдет, ну и я за компанию. Никто не выходит, думаю надо же сорвалось, а потом мне Антонюк говорит: "Да покаешься, покаешься! Сейчас все встанут на колени, будут молиться и ты так в тихушку встал, тут вместе со всеми..." Ну все же моляться и ты тут: "Господи, вот прости меня, то-сё..., а то еще что-то...". Со всеми, ты же вслух сказал.

Встали все на колени, стали молиться, значит кто о чём, даже не успели, первая молитва была и знаете мне так стыдно стало, настолько стыдно стало! Стыдно перед Иисусом Христом стало! Думаю, надо же так а? Вон когда я валялся в грехах Он не постеснялся называть меня своим другом, Он не постеснялся сказать - это мой, его не трогайте! Он чистый! Не постеснялся. А я тут постеснялся к Иисусу прийти.

Знаете, как я вскочил, там помню четыре пары ног еще было. Я не знаю, топтал эти ноги или не топтал. Я бегом бежал к этой кафедре. Как упал туда, понимаете? И Бог дал покаяние. Я плакал, я рыдал. Говорю: "Господи, да это про меня! Это я в действительности Слово Твое Божие читаю на бегу, на ходу. Молитвы, они не настолько короткие, а если такие какие-то длинные, они уже классическими становятся..."

Я забывал, когда в молитвах, я уже плакал и сердце разрывал. И знаете, сейчас я уже не помню. Покаялся, плакал, рыдал. Встал, так хорошо. Вот это было третье благословение, которое я получил в этом году. Благословение, освежения, чтобы нам свидетельствовать. Вот знаете, вот этот родник, жизни вечной - дам вам жизнь, жизнь с избытком. Это родник, который в нас идет в жизнь вечную. Ведь из чрева потекут реки воды живой. А вот эта обыденность, вот эта суета, вот эти мелкие дрязги этот источник они заиливают, заиливают, заиливают и так вот и живешь уже понимаешь: "Ну все поют песни, и я спою песню...". Надо вот это - я сделаю. И надо эту трясину убрать. Христианам нужно освежение постоянно.

Может быть в глаза смерти посмотреть, чтоб понять что и что, да? Может быть в действительности покаяться и сказать: "Да никакой я не христианин, никакой я не верующий. Во мне уже нет этой живости, свидетельства. Я уже даже если грешнику говорю, я стесняюсь сказать какой я был..."

Я с одним человеком езжу, братом и может быть он у вас был, нет, я не знаю, Андрей Давыдович Буллер семьдесят пять лет этому деду, да? Но чем он интересен или дорог? Он занимается служением детских домов. И вот приходим мы предположим в детский дом, первый раз мы приходим. Там какая-то фифочка такая, выходит директриса, вся напомаженная, вся в золоте такая. Ну кто мы такие для нее? Да, два деда пришли.

И мы вот начинаем рассказывать. Вот ну хотели бы иметь общение с детьми... Она говорит: "А кто вы такие? А зачем это? Да мы..." Как-то они так грамотно так говорят, учреждение такое, ну в общем религия здесь не нужна, как-то они там грамотно объясняют. И вот как туда прорваться? Как прорваться к этим детям, которым нужна любовь, именно тепло от Иисуса Христа, не человеческое, а от Иисуса Христа.

Вот я помню первый раз и до сих пор удивляюсь и он начинает, этот Андрей Давыдович рассказывать.

"- Знаете, говорит, кто я такой был? Я одно время был на Алтае самый богатый человек, заготовитель. Я воровал, у меня было много денег. Потом стал я пить, блудник был. Потом уехал с детьми в Германию и там я был чемпионом, чемпионом по литроболу. Я допивался до такой степени, что меня на вертолете вывозили в больницу, чтобы капельницами отвадить. И финал моей прошедшей жизни - это девять месяцев психбольницы всех, где я не знал, кто я такой..."

И когда я первый раз это услышал, думаю: "Дед, ты что говоришь? Псих ты был. Да кто сейчас нас к дитям этим пустит? Никто не пустит алкоголиков или психов. Ну представьте, я ж напрёгся весь! А потом он рассказывает:

"- А вот это сделал со мной Господь Бог..."

И начинает свидетельствовать, что сделал Бог. Лицо этой фифочки, оно меняется. Она забыла, что она администратор, она просто становится душой, которая тоже нуждается в чуде Божьем. В спасении. И уже разговариваешь без этой маски. Разговариваешь душа с душой. Просто она хороший человек, ну вот обязательность, портфель этот её давит - все это слетает. И проходит еще какое-то время говорит: "Да, конечно же проходите, расскажите детям, согрейте..." Вот это сила свидетельства, не стесняться этой силы свидетельства...

Меня много раз подрезали, очень много раз подрезали... Когда говоришь свидетельство, ты не говори, что ты бандитом был, ты не говори, что ты грабежами был, что ты вроде как это расписываешь. Да не расписываю я это. Просто хочу сказать до какой степени сатана меня втоптал в грязь, из которой я не мог самостоятельно вылезти. И то чудо, которое сделал со мной Иисус Христос, когда ни один человек не мог помочь. Я хочу в этом свидетельстве, чтобы всегда. И когда ты говоришь - люди, когда ты с ним говоришь, благовествуешь, они слушают слова. Но самое основное они слушают дух. Понимаете, что такой дух? Дух свидетельства. То есть человек, человека в духе воспринимает, что он говорит, с какой целью говорит. Можно красивые слова сказать, можно грамотно все это изложить, но если ты через свое сердце, через свое скорби ты не пропустил, это пустое слово будет, вы понимаете? Сила не в слове, а в духе, в духе, так Библия сама говорит. Дух свидетельства, дух переживания и когда ты свое сердце раскрываешь перед человеком, тогда он только начинает задумываться, а какова моя жизнь? А была ли польза кому-то от моей жизни?

Ну вот может быть я уже что-то так ход набрал, мне пора останавливаться. Сегодня утром я читал... Я по порядку читаю послание Флимона. Там апостол Павел передает приветы. Написано передает приветы соработникам и приветы сподвижникам. И вроде как слово одно и тоже, правильно, да? Соработники, сподвижники, ну я так русский учил в школе. Соработники... Ну Павел то понятно кто, вообще, это великая личность, это апостол язычников. Бог его использовал и мы в общем-то язычники через него-то и

пришли, через его проповеди. Всякая личность нуждается в соработниках, по-мирски нуждается в коллегах. То есть чтобы с тобой работал. И кто именно дорог ему, он приветы и передает.

А вот сподвижникам, я так понимаю, там корень этого слова "подвиг", подвигнуть. Что такое подвигнуть? Чисто физически, здоровый груз такой стоит, его нужно сдвинуть с места, нужны усилия. И вот я хотел призвать, что ли, к тому нас, чтоб мы были не только соработники у Иисуса Христа, соработники у присвитеров, соработники в каком-то служении, а чтоб мы были сподвижники. Сподвижник - это та личность, которая не смотрит на обстоятельства, не смотрит на свои собственные физические силы. А смотрит на Иисуса Христа, Который необъятный, всемогущий, для Бога все возможно.

Я благодарю Бога, что вот у вас в Церкви сдвинулось это служение, что Бог нашел тех людей, которые сдвинули вот это служение братских домов. Это не просто сдвигается. Я первый раз, когда попал на совет благовестников в Сибири. Я был в Ростове, из Ростова приехал, человек пятьдесят, наверно, там сидело. Присвитера, благовестники - такое солидное собрание. Я там прослушал все это собрание, за севера у нас часто рассказывают. И в конце собрания я помолился. Помолился добросовестно так, говорю: "Господи. Мы ездем на севера, спасаем этих людей. Это верно. Но мы живем в двухмиллионном городе Новосибирске, где полно вот этих наркоманов, этих алкоголиков. Тысячи людей сидят за решеткой, сколько в детских домах... Господи! Подвигни нас, чтобы мы занялись этим служенимем, служением изгороди. Чтобы при каждой Церкви был братский и сестринский дом."

Как вы думаете много человек сказали "аминь" на эту молитву? Из пятидесяти? Как ты думаешь, Вань? Пять человек самое большое! И знаете вот этот груз надо было двигать и я по сегодняшний день молюсь чтоб при каждой Церкви был братский или сестринский дом. Чтобы те люди, как некогда было я, те, которые освобождаются из зон и тюрем, те, которые проходят детскиедома... А потом женщины идут на панели, а вот эти идут в тюрьмы. Чтоб мы могли им не только красиво рассказать, чтоб могли их принять, чтоб могли подвигнуть. Подвигнуть то, что не подвигается. Все новое, оно подвигается очень тяжело. И борьба обязательно будет. Борьба и в Церкве может быть. Я не знаю, может кто-то у вас в Церкви не совсем это принимает. Я не хочу сказать против раз Церковь решила, я радуюсь этому. Но кто-то, может быть, до конца это не воспринимает. У меня было всегда очень много противников. Мне говорили: "Зачем это, зачем мы это?" Я говорю: "Слушай, а если бы твой сын был наркоман или в зоне сидел? Как бы ты на это посмотрел? Да ты ради бы своего сына, ты бы вообще все эти условности забросил, и ты полетел бы в эту зону, чтобы принести ему сидр (полотняный или брезентовый мешок с двумя плечевыми ремнями и с горловиной, которая завязывалась веревкой или шнурком) вот этот, мешок с продуктами. Все бы сделалось для того, чтобы там к нему кто-то верующие приехали, чтобы мы рассказали о Иисусе Христе, чтобы он покаялся".

Знаете, в зонах очень много сидит дэвээровцев (ДВР - дети верующих родителей). Детей

верующих, родителей очень много. Это кажется, что все вроде хорошо до подросткового возраста вот здесь они с нами, они всё принимают, а потом как расслоение, кто-то остается и слава Богу, а кто-то уходит в мир. И сатана их не жалеет, он их просто ломает, он над ними издевается, он их опускает он такое дно, как не опускает даже простых грешников.

Я помню в одну зону приехали собрание собралось, закончилось собрание, мальчишка подбегает, Петя, я хорошо запомнил его. Подбегает.

- А как мои родители там?

- Ты откуда, сынок

- С Абакана.

Семья большая, десять детей. Ходил на собрание, потом перестал ходить. Улица, а улица ну тон такой, он все равно белая ворона. Он никогда с этой улицей не сольется. Убили человека и его пустили крайним, он просто там присутствовал. Ему дали десять лет, или сколько, я сейчас уже не помню. И он настолько рад, на собрании он не ходил уже, он пренебрегал этим. А верующие приехали. Так он аж бегом побежал, говорит: "Ой братья приехали, братья приехали!!!"

Там он и каялся. Он не весь срок отсидел. Сейчас член Церкви в этом же самом Абакане. Года три назад мне звонит:

- Дядя Толя, помолись, жениться хочу.

- Не хочу учиться, хочу жениться?

- Да, - говорит, - Жениться.

А с таким вот прошлым никто не хотел с ним в брак вступать, добросовестно помолился. Звонит и говорит: "Дядя Толя, да брак приглашаю".

Женился, детей долго не было, тоже года два не было, сейчас и дети у него есть. Ну надо было поехать ради него.

На одну зону приехали, Нижний Ингаш называется. Там был особый режим и мужская зона была, сейчас там женская зона и там сидел Цветков, может быть знаете? Сидел за Бога, это с Ачинской Церкви. А на плацу там посиленка, из зоны выпустили ее и она при зоне живет. А страшная как баба Яга, вот видели Баба Ягу там в картинках или где? Конкретно Баба Яга, два зуба торчит, волосы вот такие вот все. Ну грешница, для нас разницы нет, мы подошли об Иисусе Христе сказать, а она говорит:

"- Да я знаю все это..."

Я говорю: "Откуда ты знаешь?"

"- У меня фамилия Цветкова"

Я говорю: " - А это кто?"

"- Это, - говорит, - Папа мой!"

"- А какой срок сидишь?"

"- Третий или четвертый"

" - Ты что такая негодная? Ты что такая негодная? Отец твой страдал за Бога не один срок сидел, сколько за тебя слез выплакал, его сейчас нет, он в вечности... Что с тобой сатана-то сделал?"

Ну она освободилась, я в Ачинске давно в Церкви не был, мы с братьями общались, разговаривали, говорят, что ходит в Церковь. Также два зуба может быть, ну уже немножко причесана... Она воровка. Все хорошо, ничего, ничего..., потом раз, и что нибудь сворует, чтобы пропить, понимаете?

Их очень много на этих изгородях, те, которые были с нами, да, а потом они оказываются там. Вот это подвиг, я хотел вам сказать. Подвиг, это подвигнуть нужно. А подвигать, знаете, что тяжелее всего подвигается, а? Не стены каменные. Каменные стены легко подвигаются. Вань, что тяжелее всего подвигается? Баптиста! Вот баптиста тяжело подвигнуть. Вот знаете, у нас вот сформировались стереотипы уже, взгляды такие определенные сформировались. И чтоб у нас в голове произошла революция, чтоб произошло обновление, чтоб нас сдвинуть это очень много делов. Чтоб мы наконец-то признали себя негодными, признались, что мы уже осуетились, признали, что стереотипы мышления уже у нас ну изменились - это очень тяжело.

Я помню, в одну зону пришел, но я хорошо, что знал это. И там в углу сидит жулик. Жулик, такой весь в наколках, ну и вот начинает ехидничать надо мной. "А твой", - говорит, - "Всемогущий Бог может ли сотворить такой камень... Ну где-то он вычитал, может слышали? "...Может ли сотворить такой камень здоровый, который не сможет поднять?"

Ну, меня спрашивают. А я сначала растерялся, потом вспомнил, что читал где-то. Я говорю: "Слушай, ты умник. Может, может такой камень создать здоровый, здоровый, который не может поднять." А он так рот открыл и говорит: "А это что такое?"

Я говорю: "Да это ты! Это ты булыжник! Бог тебя создал? Создал. Но помимо твоей воли Он тебя поднять не может".

Ну все, я буду заканчивать. Коротко итог, уже в двух-трех словах. "Они победили его словом свидетельства своего". Вспомните свое покаяние. Вспомните свое рождение свыше, то свидетельство, которое вам не давало покоя в лучшем смысле этого слова. Когда разрывалось ваше сердце, вы не могли молчать. И обновите, обновите это! Попросите, чтобы Бог опять эту вашу духовную кровь горячее погнал по вашим жилам. Чтобы вы помышляли о том, о чем помышляет наш Бог. Как бы не отвергнуть и отверженного, чтоб молились за это служение, за братский дом, чтобы расширялось это

служение и чтоб большее количество людей, братьев наших могли спастись через это служение. Вот об этом помолиться, аминь!

